

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

Россия, Москва. Институт географии РАН.
Отдел физической географии и проблем природопользования.
Научный сотрудник.Russia, Moscow.
Department of physical geography and natural resources.
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, research associate.kaganskyw@mail.ru

ЛАНДШАФТ. ИМПЕРИЯ. РОССИЯ.

Изложены представления о культурном ландшафте как таковом и ландшафте России. Основа подхода — теоретико-географическое исследование и путешествия. Центр внимания — пространственные формы и смыслы ландшафта. Рассмотрены взаимоотношения концептов «ландшафт» и «империя». Выявлена роль «византийского наследия» в ландшафте России. Сформулирован вывод: современная Российская Федерация по типу организации пространства и отношению к ландшафту суть империя.

Ключевые слова: государство, империя, культурный ландшафт, ландшафт, пространство, путешествие, Российская Федерация, Россия, теоретическая география

The Russian Cultural Landscape as an Empire Landscape

A general concept of cultural landscape as applied to modern Russia civilization is based on the theory of geography and a traveler's experience. The core items of the essay are spatial forms and the semantics of a landscape. The correspondence between concepts of "landscape" and "empire" is discussed. The influence of "the Byzantine heritage" in cultural landscape structure is revealed. The conclusion is that the modern Russian Federation's spatial structure and landscape are of an empirical type.

Key words: state, empire, cultural landscape, landscape, space, travel, the Russian Federation, Russia, theoretical geography

Очерк имперского пространства СССР и России (включая современную РФ) в аспекте культурного ландшафта. Статья основана на теоретико-географических штудиях России, включая многочисленные путешествия теоретика.

Российский культурный ландшафт дан нам в условиях и оптике империи. Налицо общая проблема — как живет ландшафт в условиях империи, что для культурного ландшафта империя и что для империи культурный ландшафт.

Культурный ландшафт

Обозначу авторскую версию понятия «культурный ландшафт», разработанную ранее¹. Культурный ландшафт — важное, рамочное, очень размытое общегеографическое понятие, постепенно становящееся общенаучным и даже общекультурным. Смысл и объем этого понятия трактуется по-разному даже в географии, особенно в ее разных национальных школах. Поэтому используется характеристика ядра понятия «культурный ландшафт», адекватного Северной Евразии и выращенного на

ее материале. Упомяну обзорные работы касательно культурного ландшафта².

Понятие культурного ландшафта выражает познавательную волю усматривать непрерывность, единство и закономерность обитаемого пространства земной поверхности — и результаты этого усмотрения; оно служит объяснению (закономерности) пространственных форм и смыслов человеческой деятельности в географической оболочке Земли в их связи с природной основой ландшафта. Культурный ландшафт в широком смысле в потенции охватывает всю поверхность Земли сплошным покровом. Вся человеческая жизнь протекает в культурном ландшафте (кроме космонавтики и астронавтики), но это понятие охватывает лишь ее особый аспект — пространственно-территориальный и лишь в определенных масштабах.

¹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с., Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography>. 2011. Культурная география.

² Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1998. — 476 с., Культурный ландшафт как объект наследия. Под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с., Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов. Москва — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998, 104 с., Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / Отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

Культурный ландшафт как явление вмещает природные и культурные компоненты «нераздельно и неслиянно», но отнюдь не состоит из них как отдельных частей. *Культурный ландшафт — единство пространственных тел, форм, функций и смыслов* (хозяйственных, экологических, культурных и др.). Природный же ландшафт — лишь особая интерпретация культурного ландшафта, поскольку (почти) весь наблюдаемый материал природного ландшафта — материал ландшафта культурного³. Поэтому здесь *ландшафт — синоним культурного ландшафта*.

Культурный ландшафт в сильном и потому узком смысле — не просто и не только обитаемое пространство земной поверхности, это пространство освоенное одновременно утилитарное, ценностно и символически, устойчивая среда (умвелт) нормальной (полноценной) телесной, душевной и духовной (значит, общественной и государственной) жизни достаточно полной большой (воспроизводящейся) группы людей достаточно долгое время. Следствие — даже на освоенной территории ландшафт существует не везде [24]. Культурный ландшафт не сводим к территории, антропогенному ландшафту, антропогенной трансформации природного ландшафта, комплексу артефактов культуры на основе природного ландшафта, образно-символическому аспекту территории, метафоризации ландшафта etc⁴.

Империя и культурный ландшафт. Культурный ландшафт империи.

Следует сразу обозначить две полярные позиции. Стандартное представление об империи в работах некоторых авторов⁵.

Согласно первой, *именно империя и создает выдающийся процветающий ландшафт*; примерами обычно служат загородные парки Петербурга (действительно прекрасные образцы ландшафта, но в модусе парка, редкой для культурного ландшафта и не могущей преобладать в нем), сам Петербург времен империи, некогда процветавшие поселения вдоль государственных трактов, а также Версаль, Сан-Суси и другое в разных странах (хотя это, скорее, фокусы (особые компоненты) ландшафта, нежели ландшафт как таковой). Характерно, что примеры процветания ландшафта больших имперских пространств редко приводятся или приводятся для мягких империй; кроме того, нередко хозяйственная продуктивность территории не различается с жизнью ландшафта; район процветающей монокультуры с жесткой структурой социума и пространства может не являться ландшафтом. Процветание же ландшафта на больших площадях (или даже всей территории) дореволюционной Российской империи вызывает большие сомнения, а вот само его существование на большей части территории — не вызывает (ср. сохранение обычного права у крестьянских общин).

Согласно второй точке зрения, *ландшафт, для которого существенно и даже атрибутивно саморазвитие, просто невозможен в условиях империи*, исключающей всякое пространственное (впрочем, как и всякое иное) развитие. Лучшего примера, нежели СССР, здесь нет; на территории СССР был практически уничтожен доставшийся ему от предыдущих эпох ландшафт; хотя отметим, что кое-какие достижения в области садово-паркового (ландшафтного в узком смысле) зодчества советская эпоха имела и осуществляла территориально очень крупные проекты, создавшие сложные пространственные системы, хотя они и не являются ландшафтами. СССР создал свой тип пространства — советское пространство, которое является не ландшафтом, а антиландшафтом⁶. Позитивные же примеры процветающего неимперского культурного ландшафта в изобилии — европейские страны (где, однако, ландшафт энергично поддерживается «извне», в частности посредством субсидий сельскому хозяйству; каков он был бы без субсидий — вопрос непростой, однако культурный ландшафт существовал, судя по всему, здесь и до эпохи субсидий).

Взглянем на проблему шире.

С точки зрения культурного ландшафта *империя — это, прежде всего, большое и одновременно разнородное, дифференцированное пространство, включающее много разных природно и/или культурно типов ландшафта, много разных ландшафтных регионов, причем объединенных в целое внешним для этих ландшафтов образом*. Иногда — очень часто — в империи выделяется привилегированная часть, наделенная властными полномочиями (метрополия), ландшафт которой, опять-таки иногда, служит образцом. Однако эта привилегированная часть сама может быть выстроена по внешним образцам (петровская империя). При упорядочивании имперского пространства нередко действует образец-прототип, безотносительно к тому, привязан ли он к территории внутри империи или вне нее. *Империя — это трансляция некоторого образца на все пространство*. Еще шире проблема разворачивается при понимании империи как машины трансформации ландшафтного разнообразия (не только ландшафтного) в ландшафтное однообразие, свертывания и усечения разнообразия.

Империя всегда сокращает разнообразие ландшафта, как исходного доимперского (хотя иногда это приводит к созданию вполне продуктивных хозяйственно ландшафтов), так и потенциального, каковой существовал бы на территории в отсутствии империи. Очень часто это достигается трансляцией нормы или образца, реального или символического. Нет нужды приводить примеры, достаточно указать на регулярную пла-

³ Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. — 2009. — № 1. — С. 62–70.

⁴ Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. — 2009. — № 1. — С. 62–70.

⁵ Махнач В. Империи в мировой истории // Иное. М.: Аргус, 1995, т. 2, с. 107–126., Филиппов А. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. М.: Аргус, 1995. с. 421–476, Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск.: «Сибирский хронограф», 1999. — 221 с.

⁶ См.: [Каганский В. Л. Война и революция районов (К «анатомии» советского пространства) // Независимая газета, 1991, № 171 (31.12), с. 6; Каганский В. Л. Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. Т. 1. М.: Аргус, 1995; Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с. Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья первая. Сходство // Общественные науки и современность, 2005, № 2; Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья вторая. Различие // Общественные науки и современность, 2005, № 3, с. 70–82; Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья третья. Государство РФ и российское пространство // Общественные науки и современность, 2005, № 4, с. 100–112.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

нировку поселений в екатерининскую эпоху (Россия XVIII века) или почти полную стандартизацию жизненной среды в эпоху СССР (и в том, и в другом случае вплоть до топонимии). По всей России (во многом и по всему СССР и за его пределами) стоят однотипные, а то и одинаковые кварталы и/или микрорайоны, жилые дома немногих серий, типовые школы, поликлиники и проч. Поселения однообразны и однотипны, что явно поражает взор непредубежденного наблюдателя. Эта *стандартная ландшафтная среда* (не ландшафт!) с малым числом деталей, семантически не проработанная, просто *вредна для жизни*.

Карикатурен пример бесплодной попытки реорганизации сельского хозяйства северной половины Европейской России в конце СССР по образцу продуктивного хозяйства черноземного юга СССР России с высоким естественным агроклиматическим потенциалом; так, на Севере гигантские поля оказались не вписанными в природный ландшафт и контрпродуктивными в прямом смысле. Этот перенос образца ускорил кризис сельской местности т. н. нечерноземной зоны РСФСР, и это тоже общее правило: навязывание стандарта, перенос образца из иного места — источник кризиса. Широта транслируемого образца может быть любой — от планировки и обустройства селения в целом до какого-либо узкотехнического навыка. Независимо от целей такая стандартизация приводит к конфликту новой антропогенной среды и остатков прежнего ландшафта и его природной основы.

Империя — пространство разнообразия, превращаемого в однообразие. При этом мотивы могут быть совершенно различными и могут быть как отрефлексированы, так и не отрефлексированы — от удобства управления однообразными объектами до трансляции образа в силу приписывания ему совершенства либо даже его сакрализации (имперское пространство обычно сакрализовано). Сокращение разнообразия подвластного империи пространства эквивалентно сокращению семантического размера этого пространства⁷. Имперское пространство всегда меньше, нежели соответствующее неимперское. Основными признаками империи можно считать единое структурирование большого разнообразного разнородного пространства, его единое внешнее нормирование на основе стандартов, присущих лишь некоторой небольшой привилегированной части империи (метрополия) либо не присущей никакой ее части. В пространстве империи *пространство вторично*, это пространство-проекция, эманация власти. Пространство империи создано, заполнено и оформлено властью. Власть — главный игрок, основной актер обустройства пространства. Империя унифицирует и интегрирует свое пространство. Имперское пространство структурировано и интегрировано специальными структурами, преимущественно силовыми — но отнюдь не только силовыми. Саму империю как феномен можно считать способом и механизмом силовой интеграции и унификации больших разнообразных территорий. Всякая империя — это пространство линий коммуникации, замыкающихся на центр, приобретающий тогда особую роль и уникальную функцию. Империя — пространство центростремительное: «все дороги ведут в Рим...». Горизонтальные, непосредственные связи

между местами в подвластном империи пространстве носят второстепенный характер и отнюдь не насаждаются властями империи; связи мест часто или в основном носят не прямой, трансцентральный характер (через центры); империя — пространство доминирования статусных, вертикальных связей. Статусное, «вертикальное» пространство (и расстояние) в империи куда существеннее, нежели обычное, горизонтальное пространство (и расстояние). *Пространство империи связано, но оно связано через центр*.

В этом федерация с ее доминантой прямых горизонтальных связей (и относительно слабым, не доминирующим и, следовательно — и неединственным центром) — *географический антоним империи*, хотя историческая география знает сложные симбиозы империи и федерации; по-видимому, на поверхностно политическом — не ландшафтном! — уровне к такой неустойчивой форме был близок СССР в свой самый последний момент. Станным сочетанием империи и федерации была и Австро-Венгрия на последнем этапе.

Империя свободно оперирует материалом ландшафта, может перемещать его на любые расстояния и в состоянии создавать новые ландшафтные формы и даже регионы, иногда достаточно значительных размеров. Примеры дают как уже упоминавшиеся парки, так и опыты интродукции культурных растений; правда, огромные массивы грузинского чая были относительно осмыслены лишь при закрытой экономике, и после распада СССР, когда на рынки хлынул нормальный чай, их пришлось уничтожить — все еще идет перестройка хозяйства всей Западной Грузии. Проблематизированы и огромные регионы монокультуры хлопка в бывшей советской Средней Азии, следствием которых и явилось уничтожение Аральского моря. Однако показательно, что раз в составе государства РФ не оказалось хлопководческих районов, то предпринимаются (заведомо бессмысленные) попытки интродукции культуры хлопчатника в Астраханской области; имперская логика пространства РФ сохраняется. Такие опыты иногда приводят к любопытным результатам и далеко не всегда должны оцениваться отрицательно. Империя здесь имеет преимущество последовательности и возможности не считаться с неудачами в силу иногда практически неограниченных ресурсов, в том числе и времени. Просуществой СССР еще два десятка лет — и мы наблюдали бы безумный грандиозный проект поворота северных рек на юг; огромные изменения в ландшафте последовали бы неукоснительно; впрочем, большие утраты понес ландшафт при строительстве ГЭС на реке Волга; многие поселения были перенесены, но сам ландшафт не переносим. Подчеркну — для империи ландшафт не является ценностью — особенно чужой ландшафт; им легко жертвуют во имя иных целей. Точнее — не «не является», а просто не существует как таковой, ландшафт онтологически не дан империи как существующий. Это вполне относится и к нынешнему государству РФ

Именно возможность чрезвычайной концентрации ресурсов огромной территории, иногда и всей империи, для осуществления территориально локальных проектов — особенность империи. Пример дает все тот же Петербург; напомним, что во время его создания во всей империи было запрещено каменное строительство. Был целенаправленно создан ландшафтный шедевр (город с пригородами), но без статуса центра империи

⁷ Каганский В. Л. Россия как большая страна: проблематизация // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. М.: МГИМО. 2010, с. 75 — 104.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

Петербург обречен на разрушение; единственный шанс его спасения — превращение в город-музей мирового значения, мировой музей империи. По концентрации ресурсов с ним сопоставим атомный город Арзамас-16 (Саров), который, однако, терминологически точно является антиландшафтом и также не может быть сохранен (в безопасном состоянии) без особых мер и внешней помощи⁸. Однако сопоставимый по относительному размеру Новгород, учитывая разницу эпох, был создан неимперской политической системой. В отличие от Петербурга, расцвет Новгорода не достигался за счет концентрации ресурсов подвластного культурного ландшафта, а был выражением развития этого ландшафта, освоения огромной территории.

Такие случаи дают основание для ландшафтной апологии империи, поскольку иным путем такие шедевры созданы быть не могут: крупные проекты дореволюционной России, основанные на частных состояниях, все же не сравнимы с названными по размеру: современные же крупные состояния в России совершенно не тратятся для создания особых ландшафтов. Ландшафт вытеснен с поля Большой Культуры и сведен к «ландшафтным работам», то есть благоустройству земельного участка от стен здания до забора участка; ничего не известно о том, что некая персона, группа или корпорация захотели создать новый парк уровня Петергофа или Царицына или большой новый заповедник. Однако потребовалось значительных ресурсов создание курортного района Большого Сочи на Черноморском побережье в советское время не привело к значимым результатам; изумительный, богатый возможностями природный ландшафт был освоен не оптимально и поверхностно — лишь узкая приморская кромка.

За счет контраста культуры ядра империи и ее периферии унификация может сыграть и относительно положительную роль: единый стандарт образования в Российской империи и СССР в целом, особенно вначале, повысил общий уровень образования. Однако этот же в общем высокий стандарт неизбежно приводил к конфликту с ландшафтом во всяком месте, где действовали носители этого стандарта, поскольку он не включал представления о ландшафте — ни прямо, ни косвенно — и совершенно исключает представление о ценности местной специфики, географическом положении как ресурсе и проч. Возможно, самым разрушительным для ландшафта на территории бывших Российской империи и СССР была сама система отношения к ландшафту, немалая часть которой формировалась образованием. Империя действительно несет цивилизацию — общее место — но ценой потери специфики конкретных мест. Как соотносить разрушающее ландшафт типовое жилищное строительство в регионах, где есть свой стиль архитектуры, с насаждением театров или зоопарков, или централизованное водоснабжение, но с утратой культуры колодца (примеров масса): что же ценнее для ландшафта?

Империя есть централизация. Это аксиома. И в частности, это означает, что империя как насос выкачивает все маломальски активное население и концентрирует его; остальная территория (для империи это периферия) остается без должного креативного потенциала. Но и посланцы центра уже не мо-

гут заменить местных профессионалов, поскольку не владеют местной спецификой. Деформация и разрушение ландшафта может достигаться в империи только за счет такой ротации кадров. Централизация имеет и иное последствие для ландшафта — позитивно оценивается все ориентированное на центр, централизованное. Поскольку ландшафт в принципе децентрализован и полицентричен — его негативная оценка в империи неизбежна. *Империя разрушает ландшафт, даже не подозревая о его существовании.*

Империя иногда может практически преобразовать до неузнаваемости любое конкретное место и создать в нем шедевр — но заведомо не может стимулировать творчество в области ландшафта на всей своей территории. Очень существенно, что ландшафтное творчество империи — помимо центров, оборонительно-фортификационных сооружений и транспортных магистралей (а это всего лишь компоненты ландшафта) — ограничивается двумя очень особыми формами ландшафта. Это города и парки. Но тут есть каверзные вопросы, поскольку парк — в отличие от ландшафта — дает нам только фрагмент жизни (ландшафт же предполагает полноту человеческой жизни), какие-то немногочисленные группы живут в парке как ландшафте, например, великокняжеские семьи в парках старого Петербурга — за счет внешнего притока ресурсов и использования труда тех, чей жизненный мир явно далек от ландшафта.

С городом все еще сложнее, поскольку город — неимперское по сути образование, хотя империя и не может обойтись без городов. Обратное неверно — города могут обойтись без империй. В нашем советско-российском материале тут большая трудность — все города не вполне города, что не стоит переносить на иные империи — Лондон несомненно был городом, как и Лиссабон. Вопрос даже сложнее — центры империй как города могут и не слишком отличаться просто от городов. Но империя, выделяя уникальность своей столицы, стандартизует свои города, принимая столицу как образец или делая это как-то иначе (иногда и сочетая оба пути, как это было в СССР). В любом случае империя унифицирует ландшафт своих городов, иногда превращая его в полную противоположность. Такие ультрасоветские города, как Норильск или Арзамас-16⁹, — несомненно лишены культурного ландшафта, это антиландшафты. Советизация российских городов была превращением их в детали имперского пространства и потому — их деландшафтизацией.

Российская Федерация как империя

Основными признаками империи следует считать единое структурирование большого разнообразного пространства, его внешнее нормирование и унификацию на основе стандартов, присущих лишь некоторой небольшой привилегированной части государства либо не присущей никакой конкретной части. С сугубо пространственной точки зрения империя — это объединенное особыми средствами пространство разнообразных и разнотипных природных и культурных ландшафтов, удерживаемое внешним образом разнообразие ландшафтов. Империя — при-

⁸ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

⁹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

нудительное, искусственное, внешнее и неорганичное единство разнообразия ландшафтов. Разумеется, это пространство до известной степени впоследствии интегрируется и «оестествляется»¹⁰.

В пространстве империи самое пространство вторично, это пространство-проекция, пространство — эманация власти. Пространство империи создано, заполнено и оформлено властью. Данная прежде всего в пространстве, *империя не знает пространства как такового*, как автономного феномена, как самозаконной сущности: пространство империи — всего лишь аспект (хотя мощный и значимый) государства, власти, государственной мощи и структуры. Имперское пространство — это пространство-государство, а не пространство-ландшафт. Власть — главный игрок, основной актер пространства. Империя унифицирует и интегрирует свое пространство. Саму империю как феномен можно считать способом и механизмом силовой интеграции и унификации больших разнообразных территорий.

Всякая империя — пространство линий коммуникации, замыкающихся на центр, приобретающий особую роль и уникальную функцию. Империя — пространство центристское: «Все дороги ведут в Рим». Пространство империи задано двумя основными особыми областями — Центром и Границей; их роль, в том числе сакрально-символическая, хорошо известна. Пространство империи — пространство, извне сжатое внешними, чуть не абсолютными границами — и организуемое внутренним абсолютно доминирующим центром; между ними — доминирующая по площади и смыслу зона ландшафта — *Периферия*¹¹.

Обычно приписываемые империи признаки вроде единовластия и агрессивных войн не вполне (скорее вполне не) относятся к делу: национальное государство также может быть авторитарным и агрессивным; империя же может быть внутри своей метрополии либеральной страной с демократической властью. Но существеннейшее, главное различие — различие пространственное! — состоит в том, что империя — большое и разнородное пространство, которое не может быть удерживаемо, охватываемо и осваиваемо без насаждения внешних и непременно властно-силовых норм и стандартов, ландшафтно и культурно чуждых подвластным территориям.

Если ограничиться приведенными краткими и, в общем, известными чертами империи, вернее — пространства империи, то принадлежность СССР и РФ (как и дореволюционной России) к типу империй не может быть оспорена безотносительно ценностных коннотаций, каковыми чрезвычайно богат дискурс империи.

Пространство и СССР, и РФ централизовано, моноцентрично на всех уровнях, организовано по оси «центр — периферия», в его структуре и форме огромную роль играют внешние границы, носящие характер огромных милитаризованных зон. Центр как функциональное ядро и просто как столица играет в пространстве СССР и РФ огромную роль; сопоставимых по роли и функции с Москвой городов в РФ на самом деле нет.

¹⁰ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

¹¹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

Пространства и СССР, и РФ (на всех территориальных уровнях) — централизованные, ограниченные плохо проницаемыми внутренними границами; на внутренних границах между регионами царит глушь и запустение — Внутренняя периферия¹².

Центр государства и его границы, а равно связывающие их и пронизывающие территорию транспортно-коммуникационные магистрали — главные конститутивные элементы пространства. Империя — еще и высочайшая централизация и сосредоточение власти и смыслополагания, монопольное центрирование большого пространства и концентрация всех значимых элементов наверху. В этом смысле СССР был ярко выраженной империей, а РФ ею остается¹³. Пространство СССР было, а пространство РФ остается чрезвычайно однообразно структурированным — несмотря на огромное разнообразие ландшафта, это система моноцентрических узловых районов на базе регионов административно-территориального деления; существует одна-единственная универсальная система районов¹⁴.

Разнообразие ландшафтов «современной России в границах РФ» и подстилающих их природных ландшафтов несомненно и не оспаривается ни сторонниками доктрины об РФ как империи, ни сторонниками доктрины об РФ как национальном государстве; вся российская география стоит на том, что пространство России большое и сложное. Если пространство большое, это логически означает, что оно еще и разнообразное (хотя имперская структура — унифицирующая, тем самым сокращающая размер территории). Достаточно вспомнить, что территория РФ — несколько больших зон природно-культурного ландшафта, где различно практически все — природная основа, тип автохтонного населения и вписанного в ландшафт хозяйства, современное расселение и экономический профиль территории, даже культурно-этнические группы самого русского населения. Нет нужды и напоминать и об очень сложной и болезненной истории включения этих разнообразных территорий в состав единого государства, с каковым «включением» многие этнические группы не примирились до сих пор.

Особый тип территорий современной РФ, акцентирующий ее имперский статус, — трофейные территории, включенные в состав СССР в ходе и после Второй мировой войны. Карельский перешеек, большая часть Восточной Пруссии, Южный Сахалин и Курильские острова — территории с некогда (не столь уж давно) процветавшим хозяйством и зрелым или очень зрелым культурным ландшафтом — сейчас сильно деградировали, пребывают в упадке и запустении, отброшены на жалкую роль Периферии. С инокультурным ландшафтом наша империя не справилась; это существенно. Не удалось найти и адекватную

¹² Каганский В. Л. Стратегическая повестка 2. Запустение в сердце России <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/Strategicheskaya-rovostka2>, Каганский В. Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН, сер. географ., 2012, № 6.

¹³ Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья первая. Сходство // Общественные науки и современность, 2005, № 2.

¹⁴ Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья первая. Сходство // Общественные науки и современность, 2005, № 2, Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья вторая. Различие // Общественные науки и современность, 2005, № 3, с. 70–82.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

модель освоения юга Дальнего Востока РФ, особенно сельской местности — прямого продолжения ландшафта Манчжурии. Равно полагают, что и адекватного специфике горных территорий хозяйственно-культурного ландшафта создать так и не удалось; Россия не умеет жить в горах. Не удалось создать полноценный культурный ландшафт для очагово освоенной Северной России и Сибири etc. Империя Россия и тогда, и сейчас включала (включает) территории, каковыми она не в силах осмысленно распорядиться.

Между пространственной формой империи и ее геополитической есть связь, хотя и не столь жесткая, как принято думать. В этом аспекте сходство СССР и РФ достаточно велико. Эти государства жестко контролируют свое пространство, удерживая часть подвластных территорий прямой военной силой, сохраняя в своем составе ряд территорий в режиме прямой военной оккупации; ведут внутренние и внешние территориальные войны; ориентированы на силовое сохранение — если не расширение — внешней сферы своего влияния; имеют фактические владения. . .

Если мы говорим об империи — мы подразумеваем метрополию и колонии; таково клише дискурса империи. Известны возражения против наличия в СССР — тем более в РФ — отчетливой метрополии, нередко используемые для подмены тезиса следующим образом: раз нет метрополии привычного типа — значит это не империя; существуют и достаточно распространены мнения о том, что современная Россия в границах Российской Федерации — просто национальное государство. В пространстве СССР действительно не было сплошной компактной территории, которая отвечала бы двум необходимым признакам метрополии — привилегированное положение и отчетливые властные функции, распространяющиеся на всю территорию империи. Аргумент об СССР (РФ) как колонии Москвы (что бы ни мерещилось «элите Москвы») должен быть отвергнут сразу: Москва сама входила и входит в подвластное пространство, ею самой управляют и ее нормируют, в ее материале решают (решали) внешние для нее задачи; иное дело, что пространства СССР и РФ высоко централизованы (даже гиперцентрализованы) и Москва — их центр. Классической метрополии действительно нет, но мы и не связываем конструкцию «империя» с неперменным наличием метрополии. Дело в ином.

Чем более выражены имперские черты пространства, тем меньше территориально может быть метрополия; гигантская Римская империя была колонией одного города. Предел территориального сжатия метрополии — метрополия, не имеющая места в пространстве, экстерриториальная метрополия; известное сочинение В. Войновича, где центр власти выносится в надтерриториальный космос, в этом вполне точно. Именно к этому случаю приближалось советское пространство. Во фрагментированном, островном пространстве с явными чертами экстерриториальности статусная метрополия также носит островной характер, состоит из небольшого числа экстерриториальных объектов. Такие объекты есть, это прежде всего закрытые города (в РФ — ЗАТО); характерно, что их жители имели (и кажется, имеют?) московскую прописку (регистрацию). Но строго говоря, в нашем пространстве как эманации власти сама «метрополия» носит над- и экстерриториальный, скорее фазово-статусный характер.

На наш взгляд, РФ не минует участь иных империй. Проблема только в том, будет ли деколонизация осуществляться спонтанно, внезапно, застанет общество, власти и государство врасплох или власти наберутся мудрости настолько, что сами осуществят проект деколонизации. Тем более что пребывание далеко не всех территорий в составе нынешней РФ идет ей на пользу. Прецедент уже есть: нашла же Российская империя в себе силы и разум обуздать имперский инстинкт и уступить огромную территорию Аляски — создав себе, таким образом, дружелюбного стратегического союзника почти на целый век вперед.

Огосударственное имперское пространство

Культурный ландшафт России как страны в основном сформирован властью (государством) хотя бы как главным собственником (распорядителем) земель. Однако и наследие дороссийского ландшафта значительно, например, для автохтонного населения Байкал был сакральным местом, что и определило сохранность его ландшафтов. Ландшафт страны сформирован под воздействием сильного, активного, централизованного государства, доминирующего над обществом (или инкорпорировавшим его в «государство», как в СССР). Перманентно расширявшееся государство постоянно реализует имперские идеологии и практики, силовые воздействия и унификацию пространства. Пространство государства имеет высокую символическую ценность вплоть до его сакрализации, но исключительно экстенсивно (величина территории государства) либо для особых мест. Для государства предмет заботы о ландшафте — отдельные немногие места; ландшафт как значимая данность игнорируется и семиотически не существует. Для культуры (общества) вопрос много сложнее, выходит далеко за рамки темы и здесь рассматриваться не может. Укажем только на очевидную ценность ландшафта для крестьянства и поместного дворянства, хорошо известное облагораживание ландшафта православной церковью, новую постсоветскую противоречивую сакрализацию ландшафта¹⁵. Не природные, но культурно-идеологические и политические факторы обусловили формирование в России унифицированного имперски-централизованного ценностно-поляризованного культурного ландшафта.

Если даже ограничиться приведенными выше краткими и, в общем, известными чертами империи, вернее — пространства империи, то принадлежность дореволюционной России, СССР и РФ к типу империй не может быть оспорена безотносительно ценностных коннотаций, каковыми чрезвычайно богат дискурс империи. Империя — еще и высочайшая централизация и сосредоточение власти и самого смыслополагания, монопольное центрирование большого пространства и концентрация всех значимых элементов наверху. В этом смысле СССР и РФ также могут быть трактованы как империя, хотя ситуация меняется. Эта характеристика, разумеется, относится не к именованию центральной власти, титулу правителя государства,

¹⁵ Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography>. 2011. Культурная география. Каганский В. Л. Клерикализация <http://www.russ.ru/pole/Klerikalizaciya>

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

конституционному самоопределению государства etc — она относится к структуре пространства, в данном случае — ландшафта. При этом признак «быть империей» явно принимает не только дискретные, то есть целочисленные значения (ноль или единица), но и меняется непрерывно, то есть пространство может быть имперским в разной мере. Например, современное государство Франция имеет немало черт империи, даже если пренебречь ее неевропейскими заморскими владениями — высокая или очень высокая централизация, силовое удержание ряда территорий (проблема Корсики), высокая унификация культурных стандартов и т. п.

Весь отечественный культурный ландшафт — ландшафт имперский.

Между тем, что Россия большая страна и тем, что она империя есть связь, но совсем иная, нежели обычно принято думать, она противоположна расхожему рассуждению. Россия не потому империя, что она большая — Россия именно потому такая большая, что она империя, то есть реализовывала имперскую стратегию экспансии, активно применяла соответствующие военные и геополитические технологии. (Канада большая страна, — но в практически лишена черт империи; внутренняя пространственная структура США лишена имперских черт¹⁶; но вот геополитический статус Китая как империи очевиден). «Имперскость» наложила огромный отпечаток на всю структуру пространства России, ее ландшафт. С непрерывной имперской экспансией в пространстве — и рентной экономикой — иногда связывают саму специфику социально-экономического строя России вплоть до современности¹⁷.

Иллюстрацией и теоретико-картографической моделью сказанного служит приводимый картоид (рис. 1).

Византийское наследство. Священная империя

На ландшафт России чрезвычайно сильно повлияло и византийское наследство. Современный российский ландшафт не может быть полностью понят как наследие советского пространства, как наследие пространства Российской империи, как наследие собственно пространства России с его природно-географическими, геополитическими, геокультурными и т. п. особенностями. Остаётся существенный компонент, не поддающийся такому объяснению. Есть ещё нечто, что само пронизывает и российское советское и российское имперское пространство, к ним нацело не сводясь. По-видимому, это именно византийское наследство.

Речь идет не о прямом заимствовании форм культурного ландшафта. Да оно и не было возможным. Природная и культурная основа ландшафта России была совсем иной, хотя принято усматривать определенное сходство географического и геокультурного положения Византии и России — своего рода посредники-медиаторы Европы и Азии, стоящие в их обширной переходной-пограничной зоне — но вот только не было тогда еще Европы и Азии как геокультурных макрорегионов в современном смысле.

¹⁶ Каганский В. Л. Россия и США <http://www.russ.ru/pole/Rossiya-i-SSHA>

¹⁷ Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2000. — 96 с

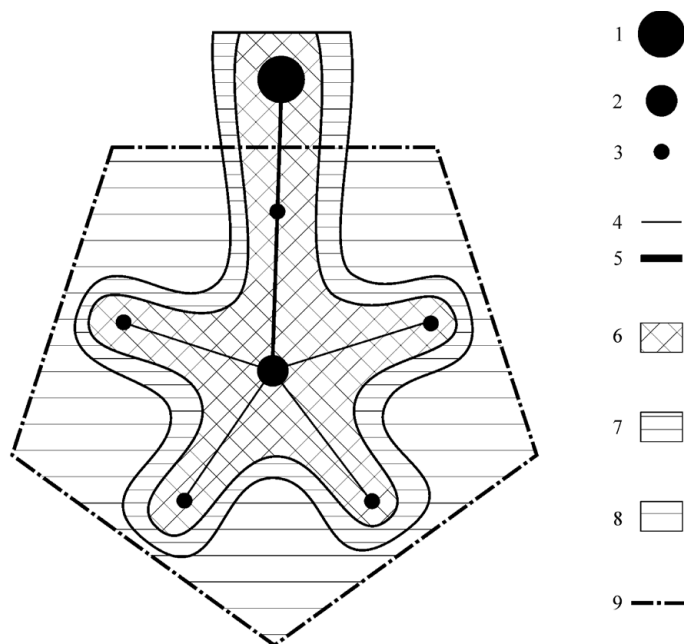

Рис. 1. Государственное пространство — каркас культурного ландшафта.

Основные обозначения: 1, 2, 3 — центры; 4, 5 — магистрали; 6–8 — зоны культурного ландшафта: 6 — преобладают антропогенные компоненты, 7 — баланс антропогенных и природных компонентов, 8 — преобладание природных компонентов; 9 — административно-политические границы.

А вот тут гораздо важнее анализировать не сходство природной основы культурного ландшафта Византии и России (никакого) или заимствование даже таких сложных институтов, как монастыри (а вот русские города, сколько известно, ничего не унаследовали и не заимствовали у византийских полисов) — важнее увидеть комплекс ведущих идеологем, каковые по своей природе организуют толщу общества насквозь, пронизывая и охватывая и культурный ландшафт. Из Византии был заимствован именно этот большой комплекс.

История и культура Византии изучена столь хорошо, что мы ограничимся общеизвестными бесспорными сведениями. В центре политической идеологии Византии лежала идея симфонии — гармонического сочетания, двуединства светской и духовной, мирской и сакральной власти. Тем самым светская власть, власть империи — каковой была большую часть своего существования Византия и каковой она всегда была идеологически (тут Византия полностью наследует Риму, и христианство лишь вдохнуло новую жизнь в ветшавшую в Риме имперскую идею) — освящалась единственной истинной церковью. Византия была священной империей. Тем самым освящалось пространство государства; тождественно ли оно ландшафту страны — вопрос особый. Именно это и было всецело заимствовано Москвой как государством и позже Россией. (Перипетии идеологии III Рима здесь рассматривать неуместно).

Имперское пространство при святости лежащего в основе общественной конструкции государства и легло в основу российского ландшафта. Достаточно вздуматься — у каждого здесь достаточно материала — что же именно осталось в ландшафте

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

от многих веков российской истории: почти исключительно государственные и храмовые постройки. В ландшафте строилось на века именно и только это; на прочее не хватало сил, да оно и почиталось вовсе не важным. Но каждый, кто хоть что-то знает про исторический ландшафт Европы, прекрасно знает, что такого пренебрежения обиденной жизнью ландшафт Европы не знал. Там были шедевры, но почиталась и обиденная жизнь. Но именно обиденная жизнь и доминирует в ландшафте, создавая его массивную сплошность. Только сакрализация власти, сакрализация государства, сакрализация империи позволяла иметь «рваное» пространство и санкционировала ценностную поляризацию ландшафта. Уход и забота были достоянием отдельных немногих мест, освященных церковью и/или государством. Священная империя: как много эта идеология означала для ландшафта — и как мало она оставляла самому ландшафту. То пренебрежение ландшафтом, какое достигло предела в советское время, — не было ли оно фундировано и предопределено еще «выбором князя Владимира»? Наш ландшафт произведен от имперской идеи священного государства — но это не роковая предопределенность времени и места: на этой же почве в те же времена и иные идеологии могли организовывать жизнь и ландшафт: в Великом Новгороде — не городе, а громадном государстве от Балтики до Урала — многое было совсем иначе, иначе было и в Великом Княжестве Литовском, существовавшем в основном на восточнославянской этнической и весьма сходной природной основе, хотя и с существенно иным географическим положением.

Сакрально-имперская основа пространства делала его в принципе безмерным и безразмерным и санкционировала беспрерывную экспансию, что для ландшафта означало его незрелость и незаконченность; пространство присваивалось — а не осваивалось и ему трудно было стать полноценным ландшафтом.

Русская культура — духовная наследница Византии (не только, разумеется). Для русской культуры рецепция неоплатонизма и посредством него Платона имела громадные последствия. Неоплатонизм, наследник платонизма — адаптированный и включенный в восточное христианство — обожествлял идеи вещей, наделяя только их высшим смыслом и подлинной реальностью. Это последовательный реализм в смысле противопоставления «реализм — номинализм». Собственно вещи имели смысл, реальность и ценность лишь в той мере, в какой в них высвечивалась, жила и играла сама идея вещи. Христианство добавило к этому сакрализацию идей и таких особых предметов, как иконы и храмы, а равно и определенных мест, где совершаются определённые религиозные обряды; реальность, сакральность и ценность мест задавалась ландшафту извне. Зримый мир ландшафта — а весь мир вещей и существ дан человеку только в ландшафте — тем самым оказывается ценностно разнородным и даже резко поляризованным, все места резко различаются по тому, причастны ли они к выражению высшего смысла — идёт ли речь о собственно сакральных объектах или сакрализации государства — или нет.

Ландшафт с самого начала русской (российской) культуры (или все же только государственности?) был разнородным в самом главном отношении — ценности существования мест; был ценностно поляризован. Отдельные его места заведомо более

ценны и более реальны, нежели сплошное целое ландшафта; эти места/идеи высятся над ландшафтом и наделяют его смыслом, которого он как таковой, сам по себе чуть ли не лишен. Но если одни места сопричастны высшему смыслу, то очевидно забота об устройении этих мест в соответствии с их идеальным предназначением, как и заведомое пренебрежение иными местами. «Русский ландшафт» полон образцами высочайшего одухотворения и творческого преобразования конкретных мест, сама идея идеального объекта получила в нём глубокое и яркое выражение; русская культура с большой полнотой воплотила в ландшафте идею святости места (нет нужды в примерах прославленных монастырей). Но всё это — в ничтожном меньшинстве мест. Конечно, заведомо известны возражения, состоящие в том, что ситуация чрезмерно упрощена, что именно весь и всякий ландшафт обожествлялся именно в христианстве как творение, по которому постигается великий замысел Творца, что ландшафт Византии вовсе не был таким ценностно поляризованным, мозаичным и неухоженным, как феноменологически данный нам российский ландшафт, что в (концепте) «Святой Руси» на всём её пространстве равно царили порядок и благодать etc.

Телесной реализацией идеи о высшем предназначении особых мест (из неё прямое пренебрежение иными местами вовсе не следует) явилось именно разделение мест на полярные категории — без промежутка, без посредника и опосредования, с резкими границами. Присущи ли русской культуре позитивно оцениваемые переходные зоны в ландшафтном и смысловом (фазовом) пространстве, зоны компромисса — а ведь подлинно культурный ландшафт не может без них обойтись? Сколько известно, компромисс негативно оценивается в российской (русской) культуре, а значит — негативно оцениваются и переходные зоны: не отсюда ли и стремление к резким, геометрическим, не имеющим ширины границам — а не переходным зонам, каковые и есть зоны компромисса. Русско-российский ландшафт — ландшафт без переходных зон, ландшафт контрастов. Если ещё упростить, то одни места были священны и заслуживали заботы, а другие (все прочие) пребывали во грехе и никакой заботы не заслуживали, с ними можно было делать что угодно и в них можно было делать что угодно; среднего же не было. Одними местами пренебрегают ради других. Именно это случилось и происходит и по сей день с ландшафтом. Ценностная поляризация мест — достояние не только «Большого пространства» государства, но она есть и дана на всех уровнях — от империи до дома и комнаты¹⁸.

Воспользуемся прозаическим примером для иллюстрации сказанного. Специалисты-экологи по особо охраняемым природным территориям (ООПТ) неоднократно отмечали, что идея заповедника и заповедник как организационная форма прижился и, можно сказать, в целом удался в России — тогда как внедрение национальных парков и иных смешанных функционально типов ООПТ (и охрана природы и рекреация) не удаётся; наши полевые наблюдения это подтверждают. Есть основания видеть в этом культурные причины, только что кратко обозначенные. Заповедник не потому ли удался, что это храм,

¹⁸ Каганский В. Л. Постсоветская культура: вид из ландшафта // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2006, 3.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

святое место почитания природы (сотворенной Богом), чистая форма. В этой логике в охраняющем природу национальном парке отдых столь же уместен, что и отдых в храме...

Национальная модель культурного ландшафта

Теперь попробуем компактно представить общую специфику ландшафта России, присущую как территории страны в целом, так и большинству ее частей и территориальных уровней.

Таковой ландшафт представляется весьма отклоняющимся от идеала и, по-видимому, полноценным культурным ландшафтом не является. Для ландшафта страны характерна слабая связанность мест вплоть до мозаичности территории и фрагментированности, анклавности. Преобладают связи через центры, а не прямые соседские горизонтальные связи. Рисунок ландшафта — скорее архипелаг или древовидная сеть отдельных очагов, нежели сплошная территориальная ткань. Ландшафт достаточно однообразен, культурный компонент его много проще природного компонента и плохо с ним согласован; налицо наблюдаемый конфликт компонентов, особенно природного и культурного (не только), местами острый. Рисунок ландшафта прост и однообразен, повторяется на разных территориях и на разных территориальных уровнях; в то время как сложность сама по себе — важный ресурс ландшафта, условие использования его ресурсов и выражение полноценности (в частности, как среды обитания человека и иных живых существ). Характерны резкие контрасты и острые «перепады» освоенности. Пространство характерных направлений бедно, резко доминирует направление «центр — периферия», по которому пространство поляризовано, в том числе социально, экономически и, что особенно важно — ценностно. Пространство страны в советское время было резко периферизовано в целом, ландшафтном и статусном отношении, несмотря на освоение территории и насыщение ее новыми культурными элементами. За время существования СССР территория России стала меньше отвечать понятию «культурный ландшафт». Территориально резко преобладают разные типы Периферии¹⁹. Почти вся территория носит черты Периферии, причем за счет быстрого разрастания Внутренней Периферии общая периферийность ландшафта сейчас даже растет²⁰. В европейском же ландшафте преобладает Провинция, что можно отнести на счет преимуществ возраста. Однако даже исторически молодое пространство США более провинциально, нежели российское за счет его полиаспектной полицентричности и формирования «снизу», негосударственной местной активностью. Ландшафтов полноценной Провинции в России чрезвычайно мало, эта зона представлена отдельными очагами и в целом «дефицитна»²¹.

Сформулируем национальную модель культурного ландшафта России, России в расширительном смысле, то есть, объединяя Россию, СССР и РФ (но никак не в этническом!). Нынешний российский культурный ландшафт очень специфичен. Он

унаследовал свои главные черты от советского пространства, а оно, в свою очередь, утратило многие черты пространства Российской империи. Пространство страны насковозь пронизано государством, структурировано государством и отдельно не существует. Определяющая детерминанта состояния, положения, функции, смысла места — *статусная детерминация* (в собственно ландшафте — позиционный принцип, географическое положение). Культурный ландшафт на всех уровнях — система отчетливых ячеек, основная жизнь в них сосредоточена в центрах и замирает на окраинах. Эти ячейки плохо связаны меж собою — почти все связи идут через центр — и разделены барьерами безлюдья и бездорожья. Всё в нашем ландшафте смотрит на центр, как стрелка компаса на север. Ландшафту, сконструированному и сжатому центрами и границами, недостает средней зоны обидности — Провинции. Провинция дефицитна, Периферия избыточна, роль границ чрезмерна и деструктивна.

Специфика российского культурного ландшафта может быть резюмирована так:

- пространство унифицировано и организовано из чуждой конкретным местам, экстерриториальной позиции;
- Провинция как тип элиминирована и лишь локальна;
- пространство сжато Центром и Границей, это Периферия;
- пространство моноцентрично;
- существует единая единственная сеть ячеек пространства;
- и соответствующая им единая единственная универсальная сеть центров.

Эти структуры охватывают все пространственные уровни и все типы пространств, включая во многом и фазовые пространства. Специфика национальной модели культурного ландшафта — предельная концентрация имперских черт и структур. Именно этот тип пространства позволил быстро включить в состав государства, структурировать и временно удерживать территории разных типов и размеров.

Культурный ландшафт России — яркое и явное наложение форм государства на четкую природную основу. Ландшафт России, прежде всего, ландшафт не собственно культурный и даже не природно-культурный — это ландшафт природно-государственный, природно-имперский.

Главные современные процессы в культурном ландшафте сложны и противоречивы. Это прежде всего «уход» государства из пространства, резкая дерегламентация культурного ландшафта и его фактическая приватизация. Постсоветский культурный ландшафт формируется уже не только государством, но и частными в широком смысле структурами и населением. Новым является мощное спонтанное взаимодействие разных массовых групп населения и ландшафта, порождающее и новые острые экологические проблемы. Существенна диверсификация ландшафта и резкое сокращение размера регламентирующих и организующих социальную жизнь пространственных структур. Важна идущая фрагментаризация культурного ландшафта вплоть до мозаизации и новой поляризации. Налицо и резкое сокращение заботы о ландшафте (например, упадок лесозащитных полос), хищническое использование природных ресурсов населением. Одновременно имеет место спонтанная сакрализация культурного ландшафта и бум (ландшафтного) язычества, что также объясняется общими причинами кризи-

¹⁹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

²⁰ Каганский В. Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН, сер. географ., 2012, № 6.

²¹ Каганский В. Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006, № 6, с. 244–257.

ИМПЕРИЯ: СЦЕНАРИИ ОБЩНОСТИ И ПРАКТИКИ РАЗЛИЧИЙ / EMPIRE: SCENARIOS OF COMMUNITY AND PRACTICES OF DIFFERENCES

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY
| **Ландшафт. Империя. Россия** |

са советского пространства («приватизация» государственно-идеологической псевдосакральности). Эти и другие процессы охватывают очень значительные части территории страны, носят непредсказуемый характер и потенциально опасны. Изучены эти процессы явно недостаточно.

Ниже приводится общая сводная характеристика культурного ландшафта России.

* * *

Еще раз подчеркнем: *империя* — характеристика структуры и состояния пространства и/или ландшафта РФ, а отнюдь не характеристика политики. Даже если РФ откажется от фактической аннексии Абхазии и Южной Осетии, эвакуирует все военные базы с территории иных государств, прекратит боевые действия на Кавказе и предоставит независимость нескольким краевым — а хоть бы и всем желающим! — «национальным регионам», то по структуре своего пространства РФ империей в целом быть не перестанет. Империя — прежде всего определенное обустройство пространства, совершенно неизбежное и осмысленное в одних исторических ситуациях и столь же совершенно излишнее и бессмысленное в иных. Однако сколь мало обсуждается неимперская и постимперская альтернати-

ва современной России-РФ, сколь непродуктивно обсуждается само пространство страны, особенно у империалистов, забывших, что империя — не только силовое удержание территорий, но еще и реализация продуктивных возможностей большого разнообразного пространства именно как такового. Современная РФ — несомненно имперское пространство, но налицо лишь все издержки империи — и нет ее преимуществ. Империя заслоняет и вытесняет в сознании страну Россию. Но тогда отсюда вытекает одно важнейшее практическое социальное, культурное, геополитического следствие, судьбоносная альтернатива: сохранять любой ценой государственную территорию империи — или обустраивать страну Россия.

Имперское обустройство пространства России является для нее сейчас тяжким бременем, издержками и обузой. Не может пространство современного общества быть унифицированным, гиперцентрализованным и моноцентричным, имея фактически один полноценный современный город и почти бессвязный культурный ландшафт, содержать внутри себя огромную зону запустения — внутреннюю колонию, Внутреннюю Периферию. Пространство современного общества — пространство постимперское, нравится это кому-либо или нет.

Т а б л и ц а. 1. Национальная модель культурного ландшафта России: сравнение с иными типами (сокращенный вариант — полный см. Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты).

Признаки культурного ландшафта	Культурный ландшафт			
	Культурный ландшафт как таковой	Европейский культурный ландшафт	Культ. ландшафт России XIX — начала XX в.	Национальная модель культурного ландшафта России
ведущее пространство	пространство ландшафта	пространство ландшафта	баланс пространства ландшафта и фазового пространства государства	фазовое пространство государства
связь ландшафтного и фазового пространств	очень сложная	сложная	несложная	простая
регулятив	позиционный принцип	позиционный принцип	частично позиционный принцип	статусная детерминация
зависимость от природной основы	определенная, но не решающая	заметная	высокая	решающая в рамках государства
централизация	умеренная	умеренная	высокая	предельная
центризм	сложный полицентризм	полицентризм	слабый полицентризм	моноцентризм
поляризация	полиполяризованное пространство	частично поляризованное пространство	поляризованное пространство	сильно монополяризованное пространство
иерархии мест	гибкие многозначные	разной степени гибкости	довольно жесткие	жестко однозначные
множественность иерархий мест	много разных иерархий мест	много или немного иерархий	одна или две иерархии	моноиерархизм, одна иерархия
главные уровни системы мест	Нижние	средние	верхние	самый верхний
отношения территориальных уровней	взаимодополнение	взаимодополнение	частичное дополнение и безразличие	конфликт
ведущее направление в системе мест	Горизонтальное	горизонтальное	«диагональное»	вертикальное, «властное»
выделенные территориальные уровни	заданы внутренне	заданы внутренне	заданы внешне и внутренне	заданы внешне (государством)
число существенных позиций	много разных	несколько разных	мало близких	одна
ведущее характерное направление	отсутствует	радиальное («центр – периферия») и тангенциальное (прямая связь мест)	радиальное	радиальное
государственные компоненты пространства	значимы	существенны	преобладают	исчерпывают пространство
совпадение пространств общества и государства	незначительное	частичное	существенное	полное
государственная форма	Федерация	сложная полифедерация / «федеративная империя»	империя	суперимперия
административно-территориальное деление	слабое или отсутствует	слабое с федеративной структурой	сильное	универсальное и доминирует

ИМПЕРИЯ: СЦЕНАРИИ ОБЩНОСТИ И ПРАКТИКИ РАЗЛИЧИЙ / EMPIRE: SCENARIOS OF COMMUNITY AND PRACTICES OF DIFFERENCES

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Ландшафт. Империя. Россия |

Признаки культурного ландшафта	Культурный ландшафт			
	Культурный ландшафт как таковой	Европейский культурный ландшафт	Культ. ландшафт России XIX — начала XX в.	Национальная модель культурного ландшафта России
федеративная структура	есть	есть де-факто или де-юре	отдельные слабые элементы	нет
системы районов	много частных несовпадающих систем районов	несколько систем районов	немного систем районов	единственная система районов
основные различия мест	межрайонные	межрайонные	межрайонные	внутрирайонные
центры	частные	частные и универсальные	универсальные и частные	универсальные
уровень централизации	Некоторый	высокий	очень высокий	предельный
централизация элиты	Некоторая	существенная	высокая	сверхцентрализация
закрытые зоны	только заповедники	заповедники и иные малые зоны	значительная часть территории	большая часть территории
статус границ	компонент ландшафта	компонент ландшафта	комплексный рубеж	средство управления ландшафтом
границы	контактные	контактные	комплексные	барьерные
контакт с внешней средой	сотрудничество	сотрудничество и конфликт	изоляция	агрессия и конфликт
статус места	первичность мест	в основном первичность мест	в основном первичность статусов	первичность статусов
места	позиции целого	позиции целого	в основном детали целого	детали целого
отношения мест	дополнительность	дополнительность	дополнительность и безразличие	безразличие и конфликт
прямые связи мест	стимулируются	поддерживаются	не запрещаются	репрессии
соседство мест	продуктивное	продуктивное	малопродуктивное	конфликтное
разнообразие ландшафта	ценность	ценность и ресурс	ресурс и помеха	помеха
представительство мест	прямое	прямое	косвенное	отсутствует
главный процесс	усложнение, полипровинциализация	усложнение, провинциализация	сочетание процессов	освоение, периферизация
главный ресурс места	специфика	специфика, особенно культурная	природные ресурсы и институциональный статус	институциональный статус и природные ресурсы
фокальные объекты	разнообразные	разнообразные	сакральные и государственные	государственные
семантически и символически значимо	все пространство	многое	отдельные места	ничто или редкие места
сфера заботы о ландшафте	сплошь все пространство	многое	отдельные места	ничто
сакрализация ландшафта	частично все места	многое места	немногие места	центры и государственные границы
человек в пространстве	творец	творец, участник событий, социальная роль	участник событий, реже творец	государственный ресурс
отношение природных и культурных компонентов ландшафта	взаимообогащение	Дополнение	дополнение и конфликт	конфликт
природные компоненты ландшафта	святыня и ресурс	ресурс и святыня	ресурс	помеха или ресурс
историко-культурные компоненты ландшафта	святыня	ресурс и святыня	ресурс и святыня	помеха или ресурс
маргинализация ландшафта	отсутствует	отдельные места	многое	полная
культурный статус ландшафта	отрафлексированная ценность	ценность-в-бытии	феномен в ряду иных	отсутствует

